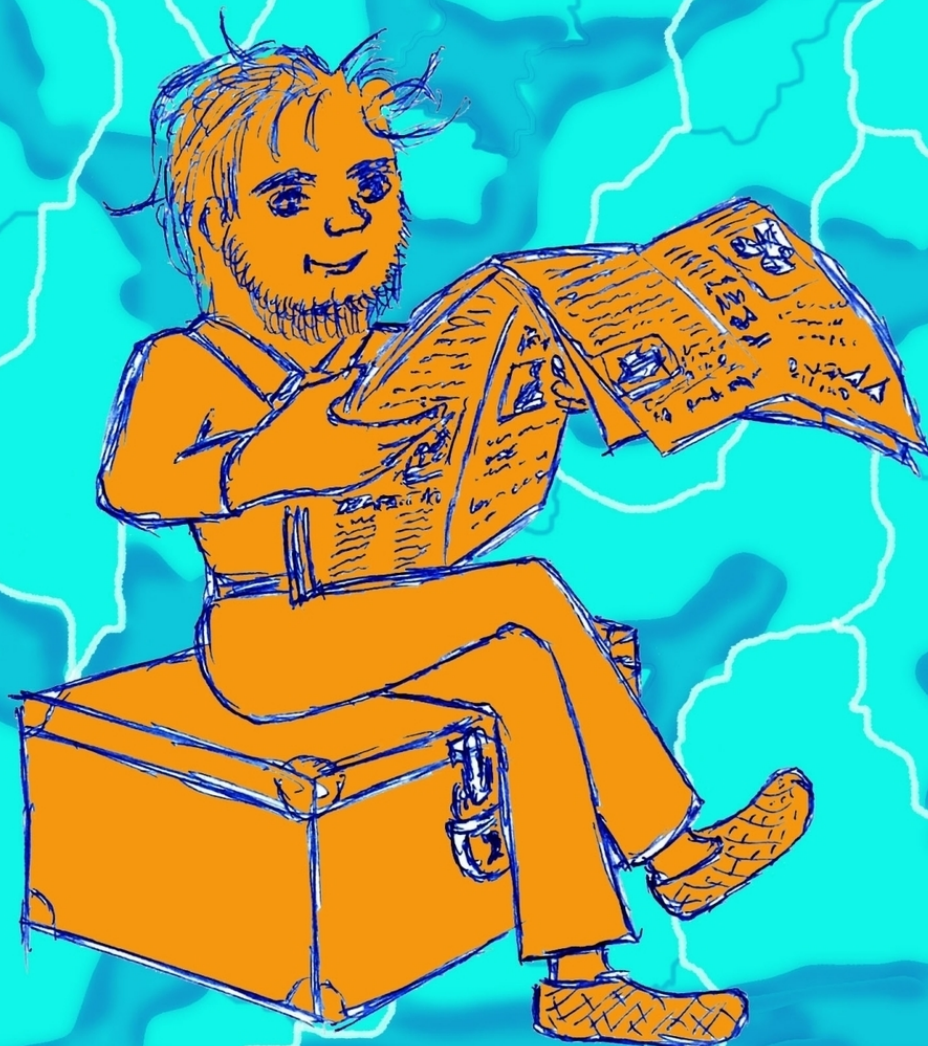

Игорь Мерцалов

ДОМ
на колёсах

12+

Игорь Мерцалов

Дом на колёсах

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мерцалов И. В.

Дом на колёсах / И. В. Мерцалов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Какую роль сыграли домовые в ужасном происшествии на Новосумбурской железной дороге? Уверен, вы знаете, что большую, но какую именно — едва ли скажете в точности. Очень уж много в том происшествии невероятных подробностей, да ещё больше домыслов narosло со временем. Что ж, вот отличное средство узнать правду — прочесть рассказ, составленный по воспоминаниям одного из главных участников фантастических, полных драматизма событий. Переплёт Перегнутьевич — домовый прогрессивный, не лишённый образованности и совершенно честный, сомневаться в его слове не приходится. Да вы, может, слышали о нём — именно он стоял у истоков домовицкого профсоюза. Помните, как он начинался? Ну как же — в городе Спросонске, в доме известного оптографа Непеня Сударого...

Пролог

Однажды Сударому не спалось. Бродя по тёмным комнатам, он вдруг замер, осознав, что слышит голоса. Непеняй Зазеркальевич был в доме один, и потому весьма удивился, но вдвойне удивление его возросло, когда признал он раздражённый баритон Переплёта, своего домового, а затем изрядно напоминающий поскрип дверной пружины басок Шуршуна Шебаршуновича, который Переплёту приходился, кажется, родственником. В точности Сударый этого не знал, потому как домовые народ скрытный, и с тем же Шуршуном Шебаршуновичем он лишь по чистой случайности однажды столкнулся.

И не вдвойне, а даже втройне удивительно, что скрытный этот народ собрался под чужой крышею, в немалом, судя по голосам, количестве, и так расшумелся, что его стало слышно!

Это было товарищеское судилище, как вскоре догадался Сударый. Распекали Переплёта – за недостойное поведение.

– Противно духу домовицкому в дела жильцов нос совать! – внушали ему.

– На то нужда была, – бурчал Переплёт. – Жильца моего со свету сжить собирались...

– Жильцы о себе пушай сами заботятся! Нам до них дела нет, дом – вот забота наша, – твердили ему, – а жильцы – что жильцы? Дома и без них стоят!

Переплёт довольно зло огрызался:

– Как стоят-то? Вкривь да вкось! Вот вы бы поглядели на тех домовых, которые жильцов растеряли! Хоть на Лапотопа из Храпова...

– Из Храпова? – возопили старшие. – Из какого такого Храпова? Ты бы ещё сказал – какого-нибудь Вамсэрдама! Где мы, а где Храпов? Да может статься, и нет на свете никакого Храпова вовсе!

– Может, тогда и Спросонска нет?

– Ты не дерзи! Спросонск – вот он, наши дома в нём стоят. А что из наших окон не видно – того считай что и нет, – учили Переплёта. – Таково от веку заведение домовицкое...

– От которого веку? От четырнадцатого? – в запале бросил Переплёт.

– Почему от четырнадцатого? – удивились старшие.

– А потому что Спросонск только в пятнадцатом веке возник! Почитайте «Историю нашего края» господина Околицына, там об этом хорошо написано. И вот, коли ничего, кроме Спросонска, больше нет – откуда поселенцы пришли, откуда первых домовых привезли? Откуда пошла порода наша?

Стали Переплёта бранить за умствования, заодно и господину Околицыну досталось, а Переплёт не сдавался, так и ввинчивал:

– А какой тогда профсоюз вы обсуждаете? Если нет ничего, кроме Спросонска, значит, и Империи нету, значит, не видать вам профсоюза, как своих ушей!

– Мы тебе про домовицкое, а ты эка завернул...

– Ах, про домовицкое? Хорошо же, коли не хотите Храпова, сходите на Каретную улицу, в Салкин дом. Там и поглядите, что проку от домового, который жильцов растерял, – не унился Переплёт.

Тут Сударый и отошёл на цыпочках. Неловко ему было, потому что именно ради него Переплёт нарушил домовицкие правила, рискнув оставить в трудную минуту родные стены.

Вот это-то чувство неловкости и заставило Сударого, спустя немного времени, в качестве ответной любезности сунуться в дела домовых...

Нельзя сказать, чтобы спор Переплёта со старшими привёл к расколу в домовицкой среде – в сущности, такое страшное понятие, как раскол, домовым вообще неведомо. Однако столкновение мнений произошло нешуточное. Высказывались громко, горячо, так что даже посторонние уши слышали.

И каким-то удивительным образом вопрос о том, как оценить поведение Переплёта, увязался с вопросом о домовицком профсоюзе. Каким именно – загадка, способная поставить в тупик самого Сфинкса. Её трудно решить однозначно, даже опираясь на высказывание некоего домового:

– А вот мы профсоюз-то сделаем, да на том профсоюзе Переплёта Перегнутьевича и пропесочим!

Что удивительно: если это побуждение вдохновляло на создание профсоюза сторонников строгого порицания, то и самого Переплёта, и тех, кто отстаивал его правоту, оно вдохновляло ничуть не меньше. Пусть судит читатель после этого, можно ли говорить о каком-нибудь расколе в рядах домовицкого племени, хотя бы при том, что сами домовые называли сторонников Переплёта не меньше как революционерами, а то и анархистами.

Так, имея разные цели, оба лагеря согласно приложили усилия к единому делу, и оно стронулось с мёртвой точки, на которой рисковало зачахнуть и захиреть ввиду того, что домовые по всей Империи уже который год не могли решить, нужен ли им профсоюз.

Как раз на этой стадии Сударый и внёс лепту. Имя его в те поры ещё не было широко известно, однако в пределах губернии уже имело некоторый вес. И потому, когда Непеняй Зазеркальевич, зная о желаниях Переплёта, выступил в печати с призывом способствовать профессиональному объединению домовых, его услышали и поддержали.

Нет оснований утверждать, будто вмешательство Сударого сыграло решающую роль, однако бесследно оно не прошло. Благодаря содействию общественности вопрос быстро вышел за пределы губернии, вскоре уже по всей Империи разнеслась весть о гражданской активности спросонских домовых, растревожив их собратьев по городам и весям.

И в одну прекрасную ночь домовые обнаружили, что вопрос решён.

Всякий, кто сколько-нибудь знает характер домовых, может догадаться, что это их несколько даже напугало. Понятно, что сами хотели, но зачем же так быстро, зачем так внезапно? Это ведь придётся теперь что-нибудь делать, а что – неизвестно. Да-да, есть какие-то планы, программы, петиции и ещё шут знает какие страшные бумаги, да-да, сами их составляли, споря до хрипоты, но дальше-то что?

Ни один домовый на свете ещё ничем, кроме своего дома, не занимался, это понимать надо! Ну, исключая тех, кто потерял право зваться домовым и, по причине утраты дома, вынужден был взяться за другое ремесло. Да вот ещё исключая шалопаев вроде Переплёта...

А до хрипоты спорить – это что ж, это и без всякого профсоюза можно. Ещё даже легче.

Однако отступить некуда было, и учредительное собрание спросонские домовые провели. Учредили ячейку, утвердили, кого положено, на предписанных должностях, приняли проект устава – всё единогласно, единодушно, без единого лишнего слова, и второпях разбежались по домам.

Переплёту никакой должности не досталось – его для «пропесочивания» сберегали. Сам он из-за этого, впрочем, нисколько не волновался. Волновало его, как и всякого спросонского домового, как теперь с этим профсоюзом уживаться, как вписать его в размеренный, веками отточенный домовицкий быт. Что же теперь – крутись как хочешь, а раз, положим, в месяц, изволь оставить родные стены за-ради посиделок под протокол?

Некоторые думают, будто домовые боятся из домов выходить. Крупицы правды нету в этих слухах! – обман и оговор. Они просто лишней суеты не любят, вот. Бояться – это ведь и в лавку не выйди, и родича-друга не навести, наконец, и в кабачке под утро не посиди порой с товарищами... Только это всё привычно и по собственной воле делается.

Как ни мало склонны домовые делиться с жильцами своими заботами (что они поймут, жильцы!), Сударый в эти заботы вник и вот какую штуку придумал:

– Почему бы вам, – сказал, – информационное бюро не сделать? Выпускайте свой «Вестник», наладьте почтовое сообщение – тогда собираться можно будет только для голосований, ну или по особо торжественным случаям.

Идею приняли на ура. В правительстве, по счастью, тоже не дремали, новшество поддержали, и очень скоро всё сладилось. Плохо ли: сиди себе, «Домовицкое дело» читай, письма пиши – дело делается, а никуда лишний раз срываться не нужно. Вполне приличной затеей оказался этот профсоюз!

... Однажды Переплёт, листая газету в приёмной, поделился с Сударым:

– Ну вот, совсем осовременились! Уже и консервативное крыло у нас появилось.

– Я полагал, у домовицкого сообщества другого крыла и быть не может.

– Нет, тут дело особое, – сказал Переплёт. – Вот, оцените, каким письмом разродился некто Заплут Покряхтович.

Вот содержание этой примечательной эпистолы, размещённой под рубрикою «Диалог»:

«Един глупец в сумлении пребудет, помыслив о мудрости, с коею вселенной устройство Творец учредил от начала времён. Поелику же неоспорима есть мудрость сия, той же глупец един помыслит, будто для вселенной устройства нужно больше пространства, чем обосновати двор свой домовому с присными его, да чтобы поселить суседей, чтобы были те суседи, как следует из имени их, по суседству, да чтобы лавку поставить скобяную, да по суседству с нею же и лавку кондитерскую, да по другую от них сторону кабак, дабы соблюсти вселенной равновесие и не протянуть в одну её сторону больше земли, чем в другую, да всю улицу до конца довести для приятствия оку, да солнце с луною подвесить над тою вселенною для освещения и наилучшего любования сим совершенным пейзажем. Засим прошу я каждого домового, почитающего своим достоянием ум, честь и совесть, с Творцом не спорить и подтвердить печатно, что за теми пределами, кои мною здесь письменно очерчены, вселенная более ничего не содержит и содержать не может, за ненадобностию».

– А кто такой этот Заплут Покряхтович? – поинтересовался Сударый.

– Один из старейших спросонских домовых, купцов Сытниковых опекает. Между прочим, должен бы даже переселение помнить, только не помнит почему-то, – ответил Переплёт и поморщился: – Ещё и *яти* где попало ставит...

... Ну-с, это всё была присказка, пора и сказку заводить – сейчас мы к ней подступим, читатель, только сообщим одно ещё обстоятельство. «Пропесочивание» Переплёта всё как-то затягивалось и откладывалось: других дел хватало, да и неловко как-то распекать домового, который за профсоюз радел и если не больше всех для него сделал, то уж точно больше многих. Зато, когда пришла пора отправлять представителей губернии в столицу, ему разом всё припомнили: и споры со старшими, и дерзости, и авантюрный норов, и социальную активность. Ни противники его, ни сторонники лучшей кандидатуры не сыскали, и моргнуть Переплёт Перегнутьевич не успел, как угодил в делегаты.

Вот теперь и сказку начинать самое время. Итак, вот она, самая правдивая —

Хроника чрезвычайного происшествия на Новосумбурской железной дороге, или Дом на колёсах

Глава 1

Дивные виды открываются путешественнику, проезжающему через Спросонскую губернию по железной дороге. Извивы Лентяйки, речки своенравной, озерца и перелески, луга и поля, рощицы и тёмные боры – всего вдоволь, словно причудливый калейдоскоп радует глаз. Порой поминутно меняется вид за окном: вот обступят дорогу деревья, мелькают на лету, а вот откатятся вдаль и плавно утекают назад, и зелёные холмы текут, как волны, и медленно текут над просторами облака.

Назавтра ждёт уже другой пейзаж, величаво-унылый: то начинаются степи. Будут ещё чудеса впереди, а пока приготовься, путник, к дорожной скуке, обзаведись собеседником, или пойди в вагон-ресторан, опрокинь рюмочку анисовой под тушёного судака, или под блинчики с икрой, и предайся философским размышлениям.

...Это ведь тебе кажется, будто поезд летит, как на крыльях, а издали поглядеть – гусеничка по полю ползёт... курящая такая гусеничка, словно из сказки...

Но всё это верно, если вы не домовой, а Переплёту только и стало полегче, когда за окнами мельтешение прекратилось.

– Да, на ковре-самолёте-то, пожалуй, попроще, – промолвил он, глядя в окно коридора.

Стоявший слева от него Дымован Огнищевич, прежде только бледный, позеленел.

– А вы и с самолётами знакомы? – полюбопытствовал невесть откуда вынырнувший Шустер.

Этот казенной¹, гладко выбритый, полноватый и улыбчивый, казался иногда каким-то сверхъестественным существом, с такую лёгкостью он перемещался незаметно для окружающих, всюду успевая и будто даже ухитряясь оказаться в двух-трёх местах одновременно.

Переплёт искренне жалел зелёного Дымована и хотел его как-то поддержать, внушить мысль о выносливости домовицкой, потому ответил с бодростью, которой отнюдь не испытывал:

– Да, случилось как-то от Спросонска до Храпова слетать!

Дымован покачнулся и сделал умоляющий жест, прося, как видно, сменить тему. Однако Тутая, стоявший по другую сторону от Переплёта, уже говорил:

– Самолёт – хорошо. Только холодно. Сто локтей вверх – очень холодно, двести – совсем стужа, однако.

– О, вы-то знаток, господин Тутая! – закивал Шустер. – Большой путь проделали, однако, даже не знаю теперь, каким видом транспорта вас можно удивить.

– На собаках ехал, на корабле плыл, на самолёте летел, однако, – подтвердил бесхитростный Тутая, не замечая, как корёжит Дымована. – От Держивостока до Новосумбурска одним поездом, теперь другим...

– Три стихии покорили! – весело закивал Шустер. – По земле, по воде и по воздуху путь ваш пролегал. А поскольку движение паровоза обеспечивается огненным духом, можно смело сказать, что и четвёртая стихия помогает вам в долгом пути.

Дымован Огнищевич тихо застонал. Шустер к нему подкатил, взял под локоток:

– Нездоровится, сударь? Это ничего, это скоро пройдёт. Вот поглядите на Переплёта Перегнутьевича: отчаянный домовик, можно сказать, сорвиголова, и то поначалу бледнее вас был. Про господина Тутаю и говорить нечего: в первые сутки, как его в купе завели, истукан истуканом сидел. А теперь гляньте на них! Хе-хе, куда страх подевался? Бодрые, румяные... Всё потому, что порода наша домовицкая крепкая...

– Вам ли говорить, вы-то казенной, – вяло отмахнулся Дымован, от дурноты забыв про всякие приличия.

Но Шустер не обиделся, или, по крайней мере, ловко это скрыл.

– А порода-то, порода! Наш брат кремень, всё снесёт.

– В своём доме! – упрямылся, никак не желая бодриться, Дымован. – А это что? Какая-то пародия на дом... Дом на колёсах!

– И ничего, каких только домов на свете не бывает. Вот в Сент-Путенберг приедем – вы такие дома увидите – ахнете!

– Век бы их не видеть...

– Вернётесь – рассказывать будете, то-то вас послушают, то-то рты пораскрывают! – сыпал Шустер. – А пока я вас, давайте, до купе провожу, прилягте, отдохните...

И Шустер увёл его, продолжая увещевать. Вот тоже выдержка!

Как бы казенные ни хорохорились, несчастный они всё-таки народ. То ли в добром доме жить, где неспешно сменяются поколения, то ли в какой-нибудь управе, где вечно всё кувырком. Так что обычно казенным не принято напоминать об их положении. Обидным это считается.

А Шустеру нипочём: ну, сболтнул больной домовик лишнее, и что? Шустер просто дальше делает свою работу...

Да что говорить, все тут в руках себя держат. Даже взгрустнулось немножко Переплёту, как он об этом подумал, потому что сам стальной выдержкой похвастать никак не мог, и вообще, ничем среди прочих делегатов не выделялся.

А ведь привык, оказалось, привык к положению знаменитости!

Только если вдуматься: чем знаменит-то был? Тем, что поперёк домовицких традиций шёл? Так и без него ходили, да как ещё! Припомнить хотя бы того домового, который в вечернюю школу записался – что разговоров было: не надумал ли, охальник, вовсе с домовицким делом порвать? А символ бунтарства почему-то Переплёт...

Чем ещё славен он? Бесшабашными своими приключениями, о которых среди спросонских домовых теперь легенды ходят? Так где легенды, а где он? Ну, пережил два нападения на дом – кое-как пережил, если честно, ничего героического не совершил. Ну, в Храпов и обратно с жильцом слетал – чего не слетать-то, когда всех дел сидеть пеньком, в шубу закутавшись? И то ведь не путём слетали, рухнули...

Ну и, конечно, в драку с гнусным атаманом влез, вот где самый скандал и самая слава, тьфу на неё. Тоже гордиться нечем. В драку влезть много ума не надо, ты вот вылези из неё так, чтобы потом не стыдно было. Положим, если здраво рассудить, то ввязался не зря, чем сумел, пособил. Но дом свой бросил в трудную минуту, в чужой – вломился, нашумел...

Стыдоба.

Нечем гордиться. А гордиться отчего-то очень хотелось – и как делегату (цельная губерния в его особе отражена – уф, подумать страшно...), и как домовому, то есть самому по себе.

– А у вас летом, наверное, хорошо летать? – спросил у него вдруг Тутая.

– Не знаю, – честно ответил Переплёт, подавив желание соврать, будто он на коврах полжизни провёл и большой знаток по этой части. – Я тоже зимой летал. У нас, конечно, зимы не такие, как у вас, а всё равно холодрыга. Но это бы ничего, а вот падать с самолёта – понастоящему неприятно, однако.

Странная штука: стоит только заговорить с Тутаёй, немедленно тянет повсюду вставить это «однако». Причём не только за собой Переплёт замечал это. Забавная манера разговора оказалась сущей заразой! Он в который раз дал себе слово следить за языком.

– Ой, страшно! – сочувственно воскликнул Тутая. – Вы тоже падали? Да, очень страшно, однако.

Ну надо же, и этот крушение пережил! Переплёт подумал, что сроду теперь на ковёр не сядет. Ну их, раз они так часто падают! Или, может, домовых не держат?..

– А вам сказали, что на краю стоять не надо?

– Что-что вы говорите?

– Красиво очень наверху, говорю! – пояснил Тутая чуть громче, решив, что собеседник его не расслышал. – Только всё равно не надо на краю стоять. Мне это сразу сказали, а я не послушал, однако. Стоял, смотрел, голова закружилась, ветер дунул – я и упал с самолёта.

Переплёту стало дурно, а из соседнего купе послышался стон Дымована Огнищевича.

– Как же вы живы остались? Вас, наверное, джинн-спасатель подхватил?

– Джинн-спасатель? – удивился Тутая. – Не знаю такого. В большой сугроб упал, однако. Хорошо упал, мягко. Только душно. Вниз головой упал – душно было, пока не вытащили, однако.

Переплёт улыбнулся.

– Нет, со мной другая история приключилась...

Он начал рассказывать о своём собственном опыте воздухоплавания, но тут открылась дверь дальнего купе, и в коридор вышел медведь в косоворотке. Вежливо кивнув попутчикам, он открыл окно и выставил нос под тугие струи воздуха. Переплёт прекрасно знал, что этот медведь на самом деле никакой не медведь, но знание ничуть не спасало от некоторой слабости в ногах, и он предложил вернуться в купе.

***

Покинув коридор, Тутая немедленно закурил свою резную трубку, присоединив её ужа-сающий, но странным образом проясняющий голову запах к сладковатому аромату папиросы, зажатой в зубах Запирая Сберегаевича, который сидел у окна и читал газету, щуря правый глаз через монокль.

– Опять гондыр вышел воздухом подышать? – поинтересовался он, не отрываясь от чтения.

– Однако, почему вы так решили? – насутился Переплёт.

– Потому что у вас обоих всегда такие лица, когда вы его увидите, – усмехнулся якутский домовый. – Не смущайтесь, однако. Ваша реакция вполне объяснима и, хотя не может быть названа разумной, всё же простительна. Внешность у гондыра и впрямь впечатляющая.

– А у вас на Косматке, господин Тутая, медведи водятся? – спросил Переплёт.

– Да, много водятся!

– И вы, наверное, их видели?

– Да, много видел!

– Вот странно: вы боитесь медведя, потому что видели его, а я сроду не видел – и всё равно боюсь. Забавно, правда?

Тутая хотел что-то ответить, но тут Запирай Сберегаевич сложил газету и, гася папиросу в пепельнице, сказал:

– Да разве в том дело, однако, видел кто-нибудь медведя, или не видел? К примеру, каждый из нас испугается, встретив крокодила, хотя мы все гарантированно не видели их...

– Я видел, однако, – вставил Тутая.

Собеседники удивлённо воззрились на него.

– Не хотите же вы сказать, что на Косматке водятся крокодилы? – спросил Запирай Сберегаевич, ловя монокль.

– Да, немного водятся. Двое водятся и трое возились, – сказал Тутая и простодушно растолковал: – Двоих в цирке водили, а троих на корабле везли.

Запирай Сберегаевич рассмеялся и, вместе с моноклем будто бы вернув на место себя самого, продолжил:

– Однако, я говорю совсем о другом. Дело не в крокодилах, а в том, что нами правят предрассудки. Пугаться медведя и крокодила естественно, но нельзя же распространять своё суждение о медведе и крокодиле на всё, что только напоминает медведя и крокодила. Вы прекрасно знаете, что гондыр – вовсе не медведь, но боитесь его, как дикого зверя.

Переплёт и Тутая потупились: тут нечего было возразить.

– Нужно признать: мы, домовые, самая тёмная и отсталая часть общества, – продолжал Запирай Сберегаевич. – Да, можно указать на водяных и леших, из которых, что не секрет, многие до сих пор остаются неграмотными. Но нельзя забывать, что сама стихийная натура их мало способствует слиянию с потоком мировой цивилизации. И даже при этом лешие прекрасно вписываются в современную жизнь, а жители подводных царств нередко создают сложные, развитые общества. Наша же, домовицкая, природа требует тесного сотрудничества с расами, которые являются носителями прогресса. Мы позволяем им жить в наших домах, бок о бок с нами, но преступно мало пользуемся выгодами подобного соседства! Мы пренебрегаем науками, почитаем ни за что культуру, и как результат – противимся всякому новшеству, безна-

дёжно отставая от течения жизни. Предрассудок есть опасность всеобщая, но мы, домовые, заражены им более прочих. Для того, чтобы дать толчок к развитию нашего племени, необходимо создать особенную, удобную для нашего употребления систему домашнего образования, проект которой я намерен представить во время слёта...

С этими словами он отворил свой портфель, который от бумаг был толще, чем баул от собранных в дорогу вещей, и стал показывать пухлые, туго стянутые папки, в которых сосредоточилось, ни много, ни мало, будущее домовицкого мира. Оно же было и залогом сохранения державы – перечислив части своего проекта, Запирай Сберегаевич заключил:

– Систематическое образование и полное искоренение предрассудков – вот что спасёт нашу страну.

– А её надо спасать? – спросил Переплёт.

Запирай Сберегаевич снова уронил монокль.

– Даже странно, что вы задаёте такой вопрос. Я всегда и не без оснований считал свой Якутск медвежьим углом, и просто поражён, что вы в Спросонске не знаете того, что очевидно всякому здравомыслящему разумному. Ну конечно, Расею надо спасать! Посмотрите, что творится вокруг!

Переплёт и Тутая переглянулись, кажется, не слишком расходясь в мыслях о том, что ничего катастрофического им покамест наблюдать не привелось. Но в эту минуту в купе вошёл клабаутерман. Сняв и повесив на крючок бескозырку с красиво выведенным словом «Цесаревичь», он иронически глянул на папки, которые Запирай Сберегаевич, прервав себя на полуслове, принялся заталкивать обратно в портфель, и с усмешкою молвил:

– Опять бумажками машете, беду от Родины отгоняете?

– Не понимаю я, господин Солёный, вашего пренебрежительного отношения к интеллектуальному труду, однако, – сердито отозвался Запирай Сберегаевич, у которого папки не желали уместиться как следует, отчего весь портфель кособочился.

– А вот неправильно вы рассуждаете, – возразил Солёный. – Что касемо труда – тут я всегда «за», с нашим милым удовольствием. Только хоть убейте, не пойму, какое отношение к труду имеют эти ваши писульки. Верю, верю, что у вас по делу писано! – поспешил прибавить он, видя, как покрасневший от негодования Запирай Сберегаевич открывает рот. – Так сказать, и курс верно указан, и логика с толком составлена. Только сами увидите: пользы не будет. Ну, покамлаете с трибуны, пошуршите своими бумазайками, с вами спорить начнут – так и утонете в разговорах. А всё почему? Потому что язык не весло, им ворочать завсегда охотников больше. Задумали дело – идите не к болтунам, а к тем, на чьи плечи это дело ляжет...

– Вы категорически не правы! – вскричал Запирай Сберегаевич. – Вы, извините, рассуждаете, как солдафон! Для вас существуют только приказы, но страна – не армия и не флот. Общество не может быть пассивной массой, слепо выполняющей распоряжения. Общество должно составлять своего рода конкуренцию в отношении правительства, всегда стремиться к улучшениям и преобразованиям, чтобы тем побуждать своих правителей идти по пути всеобщего блага. И потому всякое значительное событие в жизни страны обязательно должно происходить при деятельном участии общества...

Солёный взмахнул руками:

– Смилуйте, Запирай Сберегаевич, я ведь уже пятые сутки слушаю ваши тезисы, а всё равно прежнего мнения держусь: каждый должен заниматься своим делом – вот и будет всеобщее благо. Давайте оставим споры до столицы, а там сами увидите, что заболтают ваши светлые идеи. Там уже наш брат домовой стянет их словесами, как путами, и похоронит под пересудами. А уж если доведётся вашим идеям дать росток из-под завалов – другие затопчут их. Потому, повторяю, что язык не весло...

– Вот и прекрасно! Давайте, в самом деле, отложим споры и подождём. В столице увидите, что я был прав, – сказал якутянин и снова напрягся, уминая портфель и подтягивая язычок его застёжки к замку.

– Ну, коли увижу – порадуюсь, – вздохнул Солёный и, спросив огоньку у Тутая, принялся раскуривать трубку. – Вы поймите, Запирай Сберегаевич, я ведь к вам с большим уважением отношусь, и даже уверен, что ваши грандиозные замыслы не лишены полезности. Только им, простите, здравого смысла не достаёт – как и лично вам, к слову. Нет, вы послушайте. Именно грандиозность замыслов и подведёт вас. Потому что проще надо на жизнь смотреть. Лучшее, что можно сделать для Родины – это не тормозить её, и она, ежели нужно, сама прекрасно спасётся, без общих разглагольствований. Ты лишь порядок обеспечить. Если что и требуется сделать, так только уподобить страну кораблю, поставив превыше всех словес простой девиз: чистота, порядок и общий труд.

Пока он говорил, трубка его погасла, и он снова одолжился огоньком у Тутая. Тутая спичкам не доверял и носил при себе волшебный негаснувший уголёк.

Переплёт приоткрыл окно пошире. Единственный некурящий в купе, он порой весьма страдал от привычек попутчиков, но выходить в коридор не стал. Во-первых, интересно было послушать, что скажет клабаутерману якутский домовик, а во-вторых, гондыр, наверное, всё ещё дышит воздухом. Ну да, господин Мохнатыев тоже курит, и гондыру это очень не нравится...

Запирай Сберегаевич, окончив упаковку грандиозных замыслов в портфель, явно готовил убийственный ответ, но тут Солёный заговорил снова:

– Вы вот сказали, что страна – не армия и не флот... А знаете, ведь очень жаль, что так. Страну, и правда, следует уподобить кораблю. Да-да, вы снова скажете о пассивности общества, ещё и диктатуру приплетёте... И, может, по-своему будете правы. Но только потому, что на судне никогда не бывали и не знаете: не может офицер отдать плохой приказ, это не только моряков, но и его самого погубит. Вот что означает общий труд, вот чего на суше недостаёт! Э, какой бы чиновник исполнял свой долг спустя рукава, когда бы от этого зависела его собственная жизнь!

– Но всю страну нельзя загнать на корабли, – развёл руками Запирай Сберегаевич. – Это фантастично, а значит, надобно искать другие пути. И, если уж на то пошло, именно граждански активное общество способно обеспечить взаимодействие с чиновничьим аппаратом, благодаря чему и достигается общий труд, а из него уже проистекут чистота и порядок.

– Болтовня проистечёт, – хмуро заметил уставший спорить Солёный. – Великая болтовня, какой не знала ещё Расея... Говоря про чистоту, и порядок, и общий труд, я разумею дела конкретные, потому что только такие и приносят пользу. А если какое дело объявить всеобщим, так оно тут же станет ничьим – и никто за него по уму не возьмётся.

– По-вашему, хорошенько подумать над проблемой – это не конкретное дело? – не без яда осведомился Запирай Сберегаевич.

– Почему же? Хорошенько подумать – полезно... пока за разговорами само дело не забывается. И вот тут я, извините, уже на личности перехожу. Кто второго дня обещался лапу гондыру пожать, а до сих пор не пожал, хотя про пользу истребления предрассудков наговорил столько, что если всё записать, на два портфеля речей хватит?

Запирай Сберегаевич вздрогнул и поправил монокль, хотя тот и не мог упасть – так сощурились глаза якутянина.

– Обещался – и пожму! Только с духом соберусь... Да, я боюсь гондыра! Зато и не стыжусь в этом признаться.

– Я, что ли, стыжусь? – пожал плечами Солёный. – Да, боюсь. Ну так и лапы жать не обещаю.

– Потому что и не пытаетесь побороть предрассудок...

– Потому что медведя боюсь! Но если увижу, что он вас не тронет, то, пожалуй, и сам решусь на такой жест. Вот это, пожалуй, могу пообещать: пожмите ему лапу первым, и сразу за вами я буду вторым.

Кажется, этот спор длился уже не первые сутки... Слушать пустые раздоры не хотелось, Переплёт встал и выглянул из купе. Медведя, то есть гондыра, в коридоре уже не было, но он, обернувшись к спутникам, сказал:

– Вон он, до сих пор стоит. Выйдите уже и сделайте, чем воду в ступе толочь.

И Солёный, и Запирай Сберегаевич резко осунулись, но клабаутерман тут же решительно встал, и якутянин, глядя на него, встал тоже.

– Думаете, не решусь? – спросил он с вызовом.

Солёный, стоявший ближе к двери, сделал приглашающий жест. Запирай Сберегаевич, для чего-то прижав к груди портфель, шагнул из купе. Клабаутерман последовал за ним.

Радостное разочарование, изобразившееся на их лицах, когда они вернулись, не поддавалось описанию.

– Ушёл уже!

– В другой раз поскорее собирайтесь, – посоветовал Переплёт.

А про себя решил: «Хоть помру, но сам это сделаю вперёд вас! Или, лучше, заговорю с ним», – поправил он себя, представив, как глупо будет смотреться, если на глазах у всех подбежит к медведю, молча пожмёт лапу и убежит.

Зачем ему это нужно, он и сам не мог сказать. Но всё равно заняться нечем, так хоть с предрассудками побороться...

Энергичные, грамотные речи начитанного Запирая Сберегаевича ему, в общем, нравились, но прямота клабаутермана импонировала больше, хотя он и не разделял всюду вставляемое Солёным мнение, будто от слёта домовых не будет никакого толку. Думать так было обидно: что же, выходит, зря с места сорвался и все муки напрасны? Вот ещё! Погодите, когда я за дело возьмусь, хмуро обещал про себя Переплёт, хоть как, а толк из поездки выжму!

Меж тем якутянин и клабаутерман оставили свой спор (уж ради одного этого стоило над ними подшутить). Как всегда, когда не было определённой темы, заговорили о проплывающих за окном городах и сёлах: где какие дома, где как хозяйство ведут. Тутая не уставал всему удивляться и на всё просить объяснений. Запирай Сберегаевич охотно отвечал на расспросы иччи. Солёный задремал, а Переплёт попросил у якутянина отложенную газету.

Это был очередной выпуск «Домовицкого дела». В рубрике «Диалог читателей» продолжалась неторопливая беседа, зачатая в Спросонске Заплутом Покряхтовичем.

Сегодня отвечал ему некто Побрякуш Постукович из Хрумска:

«Невозможно таковы слова подобрать, дабы во всём совершенстве выразить, koliko Вами восхищён был, Ваших многомудрых суждений прочитавши. Страшусь, не оделась бы земля немотою, ибо не для чего после Вас уста отверзать: всё Вы сказали, и больше ничего говорить уж не надобно. Однако чувствую потребность оспорить два пункта из суждений Ваших, из них же первый тот, что вызывает некоторое сумление Ваше утверждение, будто улица размешена Творцом во вселенной лишь для взоров утешения. Прочее всё описано Вами, исходя из самой необходимейшей необходимости, но отчего для любования дана именно улица, а не что-то иное? В недоумениях пребываю, о том помысливши. Второй же пунктирус таков: надобно Вам, следуя Вашему же призыву, первым пример подать и признать, что Вас нет, ибо Вы утверждаете, что проживаете в Спросонске, а никакого Спросонска во вселенной поместиться никак не может...»

...До Резвани оставалось ещё больше суток пути.

Глава 2

Заканчивался день.

Казалось, попривык немного Переплёт к поезду, ан нет: стемнело – и опять тоска накатила. Всё тут кувырком и с ног на голову, мочи нет! Днём шарашисься, а ночью спать приходится. По-другому никак.

Домовые – разумные ночные, у них, как стемнеет, руки чешутся за работу приняться, это понимать надо. А что в вагоне сделаешь? С метёлкой походить, и то нельзя. Запирай Сберегаевич наемдни сказывал, как тот же Дымован Огнищиевич пробовал это в первые сутки проделать – проводники не дали.

Значит, надо спать!

Закряхтели делегаты, на ночь устраиваясь. Потом наступила тишина.

Домовые легко меняют свой рост по мере необходимости. В поезде удобно было ехать, соблюдая человеческие габариты, а так хотелось съёжиться до привычного аршина! Съёжиться, забиться в уголок поглубже и ждать, что, может быть, всё это как-нибудь само собой закончится.

Ах, поскорее уснуть! А не то опять навалятся мысли: как там дом? За домом остались присматривать дядя с двоюродным братцем. Дядя, Шуршун Шебаршунович, домовик матёрый, и сынок его малый проворный, да разве тем утетишься? Домовой покинул дом – это как душа из тела вышла. И тело бездыханно, и душе маята – вокруг неё одни видения бесплотные, сны тягостные, и не проснуться...

...Это ад, – сокрушённо подумал Переплёт. Мужественно удерживая на лице улыбку, оглядел ещё раз железнодорожный вокзал со всем его шумом и гамом, дымом и паром, со всей его сутолокой, и уверился: сущее пекло!

Голова ещё от зала ожидания гудела. Провожали Переплёта, воистину, всем миром. Свои провожали: Непеняй Зазеркальевич с невестою Вередой Умиляевной и другом, упырём Персефонием; дядя провожал; ещё грузчик был – не провожал, а чемодан носил, но тоже рядом крутился. А ещё провожали председатель профсоюзной ячейки с секретарём и нарочный от генерал-губернатора, который руку жал, по плечу хлопал и всё норовил речь сказать. Ещё были двое из «Вестей Спросонья»: корреспондент и оптограф, но на них грех жаловаться, хорошо, что пришли, а то нарочный всю свою речь на одного Переплёта и вывалил бы.

В вагон Переплёт поднялся – как в гроб сошёл. Сдавили его узкие стены, потолок навалился – ни шелохнуться, ни вздохнуть. Спасибо, Непеняй Зазеркальевич вместе с ним зашёл – ободрил:

«Да, Переплёт, – сказал, – легко тебе не будет, но ты помни твёрдо: не ради себя стараешься – ради других».

Верно сказал! Взял себя в руки Переплёт, одолел дрожь. Правда, вскоре опять накатило – когда отзвонили напоследок, когда ушёл Непеняй Зазеркальевич, когда остался Переплёт наедине с незнакомыми лицами... Да лица-то какие! Хмурое и сыто лоснящееся с моноклем, суровое, будто топором рублёное, над кителем с какими-то значками, и дикое, раскосое, из мехов глядит и трубкой дымит.

Рядом уже Шустер крутился. Переплёт не сразу сообразил, что это именно Шустер, о котором известили его, что это ответственное лицо, на которое возложена организация проезда, и подумал, что все четыре койки в купе заняты, а ему, значит, придётся на полу моститься...

Наскоромился, в общем, пока не осмотрелся, не привык к соседям и не разобрался, что все они, в сущности, славные разумные, только перемкнутые малость на чём-то – каждый на своём. Но ежели самую малость, так честному домовому не возбраняется, это понимать надо.

Вот только гондыр... Сидят это, стало быть, два домовых, один иччи и один клабаутерман, мирно сидят, за политику (с подачи клабаутермана) беседуют, плюшки какие-то жуют (Шустер из вагона-ресторана принёс), чай прихлёбывают – кабы ещё вагон не качался, так можно вообразить, будто собрались гости у тебя за печкой...

Вдруг рывком открывается дверь купе и заходит медведь. Глаза красные, шерсть дыбом. Наклонил башку да как взрыкнет! Ещё, выходя, дверью хлопнул так, что чуть вагон с рельсов не сошёл.

Полчаса потом теми плюшками перхали...

Сел Переплёт на своей полке, почесал голову и сообразил, что вокзал ему приснился, что, значит, он уже уснул, когда ему гондыр опять привиделся и весь напрочь сон перебил.

Мохнатые-то потом приходил, извинялся за помощника. Это всё было в первый же день, как они подсели. Сказал: гондыр просто с непривычки, с другой стороны в вагон возвращаясь, купе перепутал.

С непривычки, надо же... Сам Переплёт только к первой ночи нос из купе высунул, а гондыра – вишь, непоседа какой! – сразу понесло туда-сюда.

Прочая публика в поезде, конечно, к путешествиям привычная, только навряд ли ей часто доводилось гондыров видеть. Переплёт вообразил, какой эффект производил шляющийся по поезду медведь, и... вместо того, чтобы испугаться, вдруг рассмеялся вполголоса.

Ну вот, вроде отпустило чуток. Подумал Переплёт, подумал, понял, что уже не уснёт, и сам пошёл гондырствовать.

Тихо в поезде, огни притушены. Вагон качается, и колёса стучат, стучат, стучат, безумные...

В голове вагона, у проводницкой каморки, висит карта Империи, вся, как венами, расчерченная красными нитками железных дорог. Переплёт отыскал глазами Косматку, отыскал Держивосток. Ой-ой! Страшно подумать, какой путь проделал иччи Тутая. Оставил он родные яранги эттоманов, на нартах через леса-поля, на лодках по рекам, а где на ковре-самолёте над сопками всю Косматку прошёл, а потом – на корабле, по морю, где волны с дом.

В Держивостоке уже поджидал Солёный. Там большой порт, в порту много-много кораблей, то есть судов (Солёный говорит, что тамошние жители корабли никогда кораблями не называют). Много, значит, судов: какие грузятся, какие так почему-нибудь стоят, а иные – в какой-то штуке, что ремонтным доком называется, и среди них «Цесаревич» – если верить Солёному, самое лучшее судно на свете. Тут, конечно, можно усомниться: как известно, всяк сверчок... С другой стороны, лучше на веру принять, потому что сам всё равно ни одного судна в глаза не видел и сравнить не можешь.

Между иччи, хранителем яранг, и клабаутерманом, корабельным духом, общего мало, но, встретившись, они быстро сдружились. Два дня прожил Тутая в порту, на хлебах у клабаутермана, который про гостиницу и слушать не пожелал. А потом прибыл поезд, и на нём приехал Шустер.

Шустер – путенбержский казенной, нарочный от профсоюзного комитета, который без малого всю Империю проехал, чтобы делегатов сопровождать. Он проследил, чтобы к поезду между двенадцатым и четырнадцатым вагонами (тринадцатых на железке, говорят, в заводе не бывает) прицепили номер 12Б, чтобы вагон этот был чистый и опрятный – его министерство путей сообщения нарочно для домовых выделило. Первыми пассажирами и стали Тутая с Солёным.

Пока до Якустка шли, ещё подобрали Залихвата, коловерша из Отжиганска, который тоже на встречу с поездом – где оленями, где по реке добирался. Тот занял свободное купе, в котором пока так и сидел один, чем, кажется, нисколько не был расстроен. В Якустке новый пассажир подсел – Запирай Сберегаевич. Там же вагон 12Б от прежнего состава отцепили и присоединили к скорому поезду номер 31 – «Якутск – Сент-Путенберг».

И пошло-поехало: что ни губерния, что ни область – то делегат. Эх, сюда бы кого-нибудь из замшелых спорщиков, вроде Заплута Покряхтовича! Карта их, наверное, не убедит, скажут: намалевать что угодно можно, но поглядели бы они хоть на разнообразие домовицких физио-

номий, понаблюдали бы, как за окном земли проплывают – и ведь это ещё не вся вселенная, а только одна-единственная страна...

– Теперь уже скоро, – раздалось за плечом, и Переплёт подпрыгнул, вообразив, что это гондыр к нему подкрался. Но за спиной стоял всего только Шустер. – Пять делегатов по спискам осталось. Обычные домовики, только один будет из экзотических: швод. А там столица – ох, обомлеете, когда столицу увидите! Поспорить готов, надолго про свои хаты позабудете: какие там дворцы, ах! Цивилизованный город, как-никак, это надо своими глазами увидеть...

Насчёт того, что «хаты позабудете» – это он зря сказал, сразу заныло под ложечкой. Но Переплёт себя поборол и сказал без дрожи (как он надеялся) в голосе:

– Подумать только – с востока Империи, такого огромного, всего-то четверо разумных. Шустер вдруг нахмурился.

– Просторы, говорите? Да-с, просторы. Знаменитые, песенные... Вот они-то, если желаете знать, и погубят эту страну!

Переплёт удивлённо воззрился на казенного. Что, и у него Отчизна гибнет?

– Почему вы так думаете?

– Потому что никто не знает, к какому полезному делу их приложить, просторы эти! Жители нормальных стран давно уже поняли, что мир не бесконечен. Все земли открыты – новых не будет. И теперь уже не завоевания приносят прибыль, а экономические отношения, которые требуют и развития производственных сил, науки и магии, и усовершенствования государственных институтов. Вот чем движется прогресс – осознанием конечности земли и ресурсов. А в этой стране привыкли на просторы оглядываться! Всё-то думают, что не будет ничему ни конца, ни края. Это исстари, изначально в глубине голов сидит! – Для вящей убедительности Шустер постучал себя пальцем по лбу. – Зачем тут какое-то развитие, какой-то прогресс? Эх, господин Переплёт, вот скажите по совести – что вы, оглянувшись, вокруг себя, увидеть можете?

– Вокруг? – переспросил Переплёт. – Вагон, пейзаж за окном...

– Ах, я совсем про другое! Тьма и невежество в этой стране царят безраздельно, у кого есть ум – те мечтатели, да и таких раз-два и обчёлся, а всё прочее население, безотносительно к сословию, косо и безмысленно! Дурак на дураке – да ещё дурака прославляют: недаром главный сказочный герой в Расее – дурак! Глупость и лень составляют самое существо всей расейской жизни! Ничтожество и убожество вменияются в добродетель, совершенное безразличие ко всему, выходящему за пределы поля зрения, почитается здравым смыслом, а высшая мудрость сосредоточивается в суевериях и предрассудках, и умнейшим признаётся тот, кто знает, с какой стороны чесать нос, чтобы не было беды, или гладко истолкует сон, приснившийся начальнику...

Переплёт лишь подивился горечи, звеневшей в голосе Шустера. Подивился – и, пожалуй, немного даже позавидовал. Откуда только силы берутся на гражданский пыл?

Хотя и не понравилось ему, что Шустер явно через край хватил. Переплёт по Спросонску, будь он хоть сто раз медвежьим углом, знал разумных и образованнейших, и воспитаннейших. Но, может, он просто мало что в жизни видел, а кругом Спросонска и вправду невежество процветает?

– Так вы с Запираем Сберегаевичем сходных мыслей, – заметил Переплёт. – Он тоже в необразованности корень бед видит...

– Ах, прошу, не сравнивайте меня с этим благодушным мечтателем! – поморщился Шустер. – Запирай Сберегаевич способен увидеть корень бед, но не знает, как его выкорчевать. Всеобщее образование... Да не поможет оно, не пробьётся сквозь вековую толщу жира, которым поросли мозги! Это всё полумеры, они бесполезны, как попытки заменять детали, когда прогнил самый корпус, скрепляющий механизм. Этой стране нужна коренная перестройка, полное преобразование сверху донизу. О, кабы не злой рок, кабы не козни заговорщиков, давно

бы мы уже возглавили мировую цивилизацию! Ведь был у нас, был просвещённейший царь Мухловил Свербеевич, который вёл страну к благам мировой цивилизации...

– Нынешний государь тоже просвещённый, – осторожно заметил Переплёт.

Против этого Шустер спорить не осмелился. Даже вдруг угас его пыл, и он сказал, понурившись:

– Простите, я, кажется, увлёкся... Всё это не имеет отношения к нашей поездке. Однако уверен, вы сами увидите, что попытка ввести домовицкое племя в социально активные круги общества провалится. Мы и вправду слишком тёмные и отсталые...

– Так вы разделяете точку зрения господина Солёного? – сообразил Переплёт.

Но, оказалось, вновь мимо угодил.

– Ни в коем случае! – усмехнулся Шустер. – Наш клабаутерман, конечно, фигура колоритная. Такие, как он, могли бы принести огромную пользу, при условии, что их энергию удастся направить в практическое русло. Но увы, он, как и все его сослуживцы, давно и крепко опутан тенетами ложных представлений и предрассудков. Вы ещё просто не слышали, как он решает вечный вопрос этой страны: «Кто виноват». У Солёного тут всё просто, у Солёного, видите ли, всегда и во всём виноваты заморцы. Уверен, спроси его: отчего мужик наш пьяница, он и тут ответит, что заморец виноват. Ох, какими бедами грозит это дремучее варварство, этот непрерывный поиск врага! В этой стране охотно видят чьи-то происки там, где следует видеть лишь результат собственного нерадения. Нам же всё по шучьему велению, даром подавай, потому что мы великие, а работать для достижения цели – это не по нам, и если где крыша прохудилась, мы лучше скажем, что это заморцы её проколупали... А причина проста – банальная зависть, ибо Заморье – страна развитая и далеко нас превосходящая в деловой хватке и энергичности, хотя и лишённая наших просторов. Вот заморцы бы, кстати, не дали нашим пресловутым просторам залёживаться, бесполезно красуясь в песнях. Они бы, первым делом, продали излишки земли Китоваю, чтобы китовайцы расселились на них, избавившись от скученности, которая грозит в будущем великими бедами, и занялись бы обработкой этих земель, приуготовлением их для грядущего пришествия деловых разумных. Прочие пространства заморцы бы распределили между умнейшими членами общества для извлечения из них природных богатств, отчего наступило бы нескончаемое изобилие и всеобщее благоденствие... Но при Солёном подобные рациональные разговоры вести невозможно: он приходит в такое возбуждение, что, боюсь, может утратить облик, присущий разумному. Увы, этот славный, практически сметливый ум слишком закоснел в патриотических предрассудках. Вот вы – другое дело, господин Переплёт, – неожиданно свернул он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.